

ТЕМА: ДЕСПОТИИ ЦИНЬ И ХАНЬ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

- 1 Империя Цинь.
- 2 Первый период Ханьской эпохи.
- 3 Правление Ван Мана и его реформы.
- 4 Вторая Ханьская империя и её падение.

Литература

- 1 Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи): в 7 т. / Сыма Цянь. – М., 1972 – 1996.
- 2 Хрестоматия по истории древнего Востока: в 2 ч. / под ред. М.А.Коростовцева, И.С. Канцельсона, В.И. Кузищина. – М., 1980.
- 3 Хрестоматия по истории древнего Востока / под ред. В.В. Струве, Д.Г. Редера. – М., 1963.
- 4 Хрестоматия по истории древнего мира: в 3 ч. / под ред. В.В.Струве. – М., 1950. – Ч.1.
- 5 Васильев, Л.С. История Востока: в 2 т. / Л.С. Васильев. – М., 2000. - Т.1.
- 6 Довгяло, Г.И. История Древнего Востока / Г.И. Довгяло, О.В. Перзашкевич, Л.А. Прохоров. – Минск, 2002.
- 7 История древнего Востока / под ред. В.И. Кузищина. – М.,1988.
- 8 История Древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А.В.Седова. – М., 2004.
- 9 Васильев, Л.С. Древний Китай / Л.С. Васильев. – М., 1995. – Т.1.
- 10 История Востока: в 6 т. – М., 1997. – Т.1.
- 11 История древнего мира: в 3 т. / под ред. И.М.Дьяконова [и др.]. – М., 1989.
- 12 Переломов, Л.С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае / Л.С. Переломов. – М., 1962.
- 13 Рубин, В.А. Идеология и культура древнего Китая / В. А. Рубин. – М., 1970.
- 14 Синицын, Е.П. Бань Гу – историк древнего Китая / Е. П. Синицын. – М., 1975.

1 Империя Цинь

С появлением ирригационного земледелия Китай уже не мог обойтись без сильной централизованной системы государственного управления. Легистские реформы, проведённые в княжестве (царстве) Цинь и сделавшие его самым могущественным в Китае, стали провозвестником кардинальных перемен в историческом развитии всей страны. Всё шло к объединению Китая во главе с династией Цинь. Государства Среднего Китая смотрели на Шэньси (северная горная страна, служившая ядром циньских владений) как на варварскую окраину. Однако государственное устройство возвышающегося царства отличали мощная военная машина и многочисленная эффективная бюрократия.

В 246 г. до н.э. на царский трон в цинь взошёл 13-летний царевич Ин Чжэн. Регентом до его 21-летия был богатый купец Люй Бувэй. Ходили слухи, что он был настоящим отцом Ин Чжэна, поскольку на момент, как его официальный отец, царь Чжунсян-ван, получил в дар от Люй Бувэя наложницу Чжао (мать Ин Чжэна), она, если верить Сыма Цяню, уже была беременной.

Люй Бувэй ценил учёных, пригласил на содержание со всех царств около тысячи учёных мужей, которые вели споры и писали книги. Благодаря его деятельности удалось собрать знаменитую энциклопедию «Люйши Чуньцю».

После смерти отца Ин Чжэна, Чжуансян-вана, Люй Бувэй стал открыто сожительствовать с его матерью Чжао. Потом у последней появился другой фаворит – лжеевнух Лао Ай, который готовил государственный переворот. В 238 г. до н.э. Ин Чжэн достиг совершеннолетия и решительно взял власть в свои руки, расправившись со всеми, кто этому попытался помешать. В ссылку была отправлена даже мать Ин Чжэна Чжао, которую, однако, после увещаний советников вернули во дворец.

После отстранения Люй Бувэя премьер-министром стал легист Ли Сы, ученик Сюнь-цзы (неортодоксальный основоположник ханьского конфуцианства, первым осуществивший универсальную интерпретацию конфуцианского канона). Не доверяя своим советникам, Ин Чжэн отдал приказ выслать из страны всех нециньских чиновников. Ли Сы написал ему докладную, в которой обосновал, что такая мера приведёт только к усилению вражеских царств, и указ был отменён. С 237 по 230 гг. до н.э. Ли Сы оказывал большое влияние на молодого правителя, потому некоторые специалисты не без основания считают, что именно его, а не Ин Чжэна, следует считать подлинным создателем империи Цинь. Судя по имеющимся данным, Ли Сы был решителен и жесток. В частности, он оклеветал своего талантливое соученика Хань Фэя, блестящего теоретика позднего легизма, и тем самым довёл его до гибели. Ин Чжэн, наставляемый Ли Сы, продолжил успешные войны с соперниками на востоке. При этом он не гнушался никакими методами.

В итоге Ин Чжэн захватил одно за другим все шесть нециньских государств, на которые в то время делился Китай: в 230 г. до н.э. было уничтожено царство Хань, в 225 г. до н.э. – Вэй, в 223 г. до н.э. – Чу, в 222 г. до н.э. – Чжао и Янь, а в 221 г. до н.э. – Ци. В 39 лет Чжэн впервые в истории объединил весь Китай и в 221 г. до н.э. принял тронное имя Цинь Шихуан[ди] (буквально означает «император-основоположник [династии] Цинь»), основав новую императорскую династию Цинь и наименовав себя первым её правителем. Старое наименование ван, переводимое как «монарх, князь, царь», было уже неприемлемо: с ослаблением Чжоу титул вана подвергся девальвации. Первоначально термины Хуан («властитель, августейший») и Ди («император») употреблялись порознь. Их объединение было призвано подчеркнуть единовластие правителя нового типа. Тем самым Цинь Шихуан поставил точку на периоде Чжаньго с его соперничеством царств и кровопролитными войнами.

Он сразу же начал кардинальные реформы, которые имели волюнтаристский характер и перевернули в Китае всё вверх дном. В первую очередь у населения было конфисковано оружие. Оно было собрано в Сяньяне и переплавлено на огромные колокола. Из оружейного металла было отлито также 12 бронзовых 32-тонных колоссов Цинь Шихуана, которые были поставлены в столице.

Столицей империи был избран Сяньян в исконных циньских владениях, неподалёку от современного Сианя. Туда были переведены сановники и вельможи всех завоёванных государств, всего 120 тысяч семей. Эта мера позволила циньскому императору взять элиту покорённых царств под надёжный полицейский контроль.

По настоятельному совету Ли Сы император во избежание распада государства не стал назначать родственников и приближённых князьями новых земель. С тем, чтобы подавить центробежные тенденции на местах, империю разделили на 36 военных округов (цзюнь). Сами округа дальше делились на области, уезды, волости и объединения семей – тины (в тин входило около 10 семей). Все эти административно-территориальные единицы управлялись специальными чиновниками, наделёнными административными, фискальными, судебными и полицейскими функциями. Чиновники контролировали друг друга.

Китайцам велели называть себя уже не чжоусцами, вэйцами, циньцами, а «черноголовыми» (в Китае каждая династия имела свой цвет-символ, династию Цинь Шихуана символизировал чёрный цвет).

По всей империи ликвидировались наследственные ранги (исключения не сделали даже для сыновей и братьев императора). Вместо их вводились ранги знатности, которыми наделял император за заслуги перед государством.

Существенно ограничивалось общинное самоуправление, однако сама община как фискальная единица сохранилась.

Была проведена реформа под лозунгом «все колесницы с осью единой длины, все иероглифы – стандартного написания». В её рамках была создана единая сеть дорог, упразднены разрозненные системы иероглифики покорённых царств, введена единая денежная система, а также система мер и весов. Эти меры заложили основу культурного и экономического единства Китая и на тысячелетия пережили недолговечную империю Цинь. В частности, современная китайская иероглифическая письменность восходит именно к циньскому письму.

В соответствии с экономической программой легистов император провозгласил земледелие «основным занятием» и насильно переселил в китайское приграничье десятки тысяч крестьянских семей, обязав их одновременно и поднимать целину, и защищать границы от нападений кочевников.

По всей Империи была узаконена частная собственность на землю и налог с урожая заменён на поземельный налог. Цинь Шихуан повелел составить земельный кадастр, поручив своим подданным самим сообщить, сколько пахотной земли они имеют. Сам же он стал верховным собственником и распределителем воды для орошения полей. Были также монополизированы производство и сбыт железа, соли. Цены на зерно контролировались государством.

Обществу было навязано новое законодательство, в котором буквально каждая строчка была написана кровью. Страшная кара ждала каждого даже за самые малые правонарушения, прежде всего за проявление недовольства циньским режимом. Не только его, но и его семью, а также людей, связанных с «преступником» круговой порукой. Помимо круговой поруки, в империи была организована тотальная полицейская слежка, поощрялись доносы. Тем самым Цинь Шихуан создал в Китае чудовищный тоталитарный режим.

Для Цинь Шихуана народ был обычным рабочим скотом. Император рассчитывал только на поддержку военно-бюрократического слоя и нуворишей, которые приобрели ранги знатности и административные должности и бесцеремонно грабили народ. Однако им он тоже не потакал. Чиновников,

которые буквально ползали перед ним, за незначительные провинности он лишал чинов и званий, и ссылал рядовыми в пограничные войска, что было равносильно смерти. Интеллигенцию император глубоко презирал и ненавидел. Когда она начала открыто сетовать на то, что власть пренебрегает заповедями древних мудрецов, он по совету Ли Сы преподал недовольным урок – сжёг почти всю конфуцианскую литературу (кроме медицинских, сельскохозяйственных и астрономических трактатов, книг из императорского собрания и хроник циньских правителей), живьём закопал 460 учёных-конфуцианцев, бросив тысячи других на каторжные работы по строительству Великой Китайской стены. После этого оппозиция притихла.

Император закрыл частные школы, чтобы они не плодили инакомыслящих. Государственные школы, которые было просто контролировать, были сохранены.

В 215 г. до н.э. Цинь Шихуан отправил на северные границы Китая 300-тысячное войско, которым командовал Мэн Тянь. В течении двух лет оно отвоевало у сюнну огромную территорию и восстановило давнюю границу страны периода Чжаньго. После этого похода воины Мэн Тяня вместе с двумя миллионами военных поселенцев построили из утрамбованной земли и камней Великую Китайскую стену («Стену в 10000 ли»). Для этого были расширены и объединены в единую систему пограничные укрепления прежних царств Цинь, Чжао и Янь. Китайская стена, длина которой была 6450 км, пересекала безводные степи и пустыни, поднималась на высокие горные вершины и опускалась в глубокие ущелья. На протяжении этого мощного оборонительного рубежа высотой 6,5–10 м через каждые 60–100 м возвышались башни-бойницы. Построенная на человеческих костях, Китайская стена имела не только оборонительное значение, но и содействовала налаживанию мирной торговли китайцев с северными соседями. По приказу императора от неё к столице была проложена магистральная дорога. Строилась целая сеть дорог с тремя полосами (центральная полоса – для колесницы императора), пересекающих всю страну.

Были и другие грандиозные строительные проекты, осуществление которых обернулось тяжёлым гнѐтом для населения. В частности, сразу после провозглашения себя императором Цинь Шихуан начал строить свою грандиозную гробницу, сгоняя на это строительство сотни тысяч людей.

В 214 г. до н.э. было начато строительство канала Линцзюй длиной 36 км (был построен на территории современного района Гуанси около города Гуйлинь), соединявшего реку Сянцзян (приток Янцзы) с рекой Ли, которая втекает в р. Гуйцзян (один из основных истоков Синцзян), позволяя охватить речным транспортом огромные территории южного Китая.

Кроме того, император не пожелал жить в центральном столичном дворце Сяньяне, а начал строить огромный дворец Эпан (Эпан – имя любимой наложницы императора) к югу от р. Вэйхэ. Дворец стал строиться в 212 г. до н.э., на строительство было согнано несколько сот тысяч человек. В нём размещалось множество наложниц, хранились неисчислимые драгоценности. Но до конца дворец Эпан так и не был достроен. Вскоре после смерти Цинь Шихуан ди вспыхнули восстания и циньская империя рухнула. В январе 206 г. до н.э. один из вождей антициньского движения князей (208–202 гг. до н.э.) Сян Юй,

провозгласивший себя ваном-гегемоном и правителем западного Чу, поражённый немислимой роскошью, приказал сжечь дворец, а его войска разграбили Сяньян и перебили жителей циньской столицы.

По совету легистов Цинь Шихуан проводил милитаристскую политику. Историк Бань Гу сообщал: “Убитых людей было как спутанной конопли, высохшие кости лежали около Великой стены, а черепа валялись на дорогах. Не было ни одного дня без войны”. Цинь Шихуан предпринял завоевания в Южном Китае и Северо-Восточном Вьетнаме, ценой огромных потерь его армиям удалось добиться подчинения древневьетских государств Намвьет и Аулак. Под властью империи Цинь оказалась огромная территория, охватывавшая разные по этническому составу, хозяйственным занятиям и уровню общественного развития регионы, что не могло не сказаться на результатах крутых мероприятий Цинь Шихуана, не учитывавших эти различия, и на самой судьбе его династии.

Характерно, что хотя границы империи вследствие этих войн значительно расширились, Китай продолжал оставаться аграрно перенаселённым.

Проводя кошмарный легистский эксперимент, Цинь Шихуан довёл свой народ до отчаяния. Налоги в стране увеличились в 20–30 раз. Обнищание основной массы крестьян не знало границ. Спасаясь от налогов и чиновничьего произвола, множество крестьян убегало “куда глаза глядят”, их надельные участки доставались сельской верхушке, выросло количество рабов. Каторжная трудовая повинность доводила простой люд до отчаяния. После нескольких неудачных покушений на его жизнь, организованных аристократами, император сделался болезненно подозрительным, стал засекречивать место своего пребывания и для этого повелел построить в столичном округе 270 дворцов, связанных между собой крытыми переходами.

В продолжение последних десяти лет своей жизни император редко бывал в своей столице. Он всё время инспектировал различные уголки своей державы, принося жертвы в местных храмах, сообщая местным божествам о своих достижениях и возводя стелы с самовосхвалениями. Объездами своих владений император положил начало традиции монарших восхождений на гору Тайшань. Он же первым из китайских правителей вышел на морской берег. Поездки сопровождались интенсивным дорожным строительством, строительством дворцов и храмов для жертвоприношений.

Начиная с 220 г. до н.э. император предпринял пять крупных инспекционных поездок через всю страну на расстояния тысячи километров. Его сопровождало несколько сот солдат и множество слуг. Чтобы дезориентировать недоброжелателей, он посылал по стране несколько разных повозок, а сам скрывался за занавеской, и даже солдаты не знали, едет ли с ними император или нет. Как правило, целью поездок было тихоокеанское побережье, к которому император первый раз приехал в 219 г. до н.э.

Как можно понять из «Ши цзи» Сыма Цяня, больше всего императора беспокоили мысли о грядущей смерти. Во время своих странствий он знакомился с кудесниками и ведунами, надеясь выведать у них тайну эликсира бессмертия. В 219 г. до н.э. он направил на его поиски экспедицию к островам Восточного моря

(возможно, в Японию). Наиболее известны экспедиции 219 и 210 гг. до н.э. к острову Чжифу (Шаньдун).

Смерть Цинь Ши-хуанди наступила во время поездки по стране, в которой наследник Ху Хай сопровождал его вместе с начальником канцелярии евнухом Чжао Го и главным советником Ли Сы. Датой смерти принято считать 10 сентября 210 г. до н.э. во дворце в Шацю в двух месяцах езды от столицы. Он умер, как сообщается, из-за употребления пилюль бессмертия, содержащих ртуть.

Когда Цинь Ши-хуанди внезапно умер, Чжао Гао и Ли Сы, опасаясь, что весть о смерти императора вызовет восстание в империи, решили скрыть это событие до возвращения в столицу. Большинство свиты, кроме младшего сына Ху Хая, Чжао Гао, Ли Сы и нескольких других евнухов, находилось в неведении о смерти императора. Тело императора было помещено на повозку, впереди и позади которой было приказано везти телеги с тухлой рыбой, чтобы скрыть трупный запах. Чжао Гао и Ли Сы ежедневно меняли императору одежду, носили еду и принимали письма, отвечая на них от его имени. В конце концов, о смерти императора было объявлено по прибытии в Сяньян.

В соответствии с традицией, империю должен был унаследовать старший сын Цинь Шихуана – наследный принц Фу Су, но Чжао Гао и Ли Сы подделали завещание императора, назначив наследником младшего сына Ху Хая. Также в завещании было приказано находившимся на северной границе Фу Су и преданному ему генералу Мэн Тяню покончить с собой. Фу Су преданно подчинился приказу, а заподозривший заговор генерал Мэн Тянь несколько раз отправлял письмо за подтверждением и был помещён под арест. Ху Хай, обрадованный новостью о смерти брата, хотел помиловать Мэн Тяня, но Чжао Гао, боясь мести Мэнов, добился казни Мэн Тяня и его младшего брата прокурора Мэн И, который в прошлом предлагал Цинь Шихуану казнить Чжао Гао за одно из преступлений.

Ху Хай, взявший тронное имя Цинь Эр Шихуан[ди], начал правление с того, что приказал убить 22 своих братьев и сестёр и множество других царедворцев. Фактически он оставался марионеткой Чжао Гао – главного евнуха при императорском дворе, который путём сложных интриг смог захватить фактическую власть в стране и способствовал гибели династии. Тем временем бедствия народа достигли крайних границ. Люди массово умирали от голода, в отчаянии кончали жизнь самоубийством. Убедившись, что смена власти не принесла ожидаемых улучшений, китайский народ восстал. Первым поднял восстание большой рабочий отряд в провинции Аньхуэй. Тысяча его работников из-за непогоды опаздывала к месту сбора, за что их ожидала смертная казнь. Работники двинулись на столицу, однако среди них возникли трения, которые привели к убийству их вожака. Всё же из искры этого выступления разгорелись восстания, возглавленные Чэнь Шэном, У Гуаном и Лю Баном (конец 209 – начало 208 г. до н.э.). Шесть территорий объявили самостоятельность, и их правители провозгласили себя ванами. Образовалось царство Чу, которое взяло на себя координацию движения владетельных князей.

Император продолжал вести себя непоследовательно, жестоко казнил наиболее способных и преданных чиновников, винил лучших генералов в

поражениях, игнорировал призывы к разуму и не пытался понять тяжёлого положения империи, продолжая строительство дворца Эпан и планируя великие стройки, чтобы продемонстрировать своё величие и могущество. Отчего ситуация катастрофически ухудшалась.

В 207 г. до н.э., после ряда поражений в борьбе с повстанцами, Чжао Гао решил убрать императора, опасаясь, что он будет винить его в этих поражениях, и послал отряд, который под видом розыска разбойников ворвался во дворец; Эр Шихуану было приказано покончить с собой, а на его место был поставлен Цзыин, племянник Эр Шихуана.

В октябре 207 г. до н.э. столица империи Сяньян была взята армией Лю Бана, ставшего позднее основателем империи Хань.

Приверженцы прежних династий тут же ринулись в борьбу за делёж императорского наследства, и в 206 г. до н.э. всё семейство Цинь Шихуана было истреблено.

2 Первый период Ханьской эпохи

Как следует из сказанного, в падении империи Цинь, помимо простонародья, большую роль сыграла и знать бывших царств, стремившаяся к восстановлению своей государственности. Однако основателем новой династии стал выходец из крестьян. Известен он по личному имени Лю Бан. В юности он получил должность управления уездом Пэй, и стал носить титул Пэй-гун, под которым он упоминается в литературе о смутном времени до падения империи Цинь. После падения империи Цинь он получил от правителя Сян Юя округ Ханьчжун на реке Ханьшуй и титул Хань-ван. Лю Бан стал во главе повстанцев, которым удалось взять столицу Сяньян и свергнуть династию Цинь. В 202 г. до н.э. он основал новую императорскую династию Лю (она вошла в историю под именем Первой, или Старшей, или Ранней, или Западной династии Хань). Став под именем Гао-цзу первым её представителем, он правил до самой своей смерти в 195 г. до н.э.

Начальный период (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.) существования империи Хань, когда её столицей был г. Чанъань, носит название Ранней Хань или Западной Хань (её история изложена в хронике «[Цянь] Хань шу»).

Второй период (25–220 гг. н.э.) существования империи, когда её столицей был г. Лоян, называется Поздней Хань или Восточной Хань. Его история излагается в сочинении «Хоу Хань шу».

Правление династии Лю прервалось на 16 лет в 8–23 гг. н.э. в результате захвата власти родственником династии по женской линии Ван Маном (империя Синь).

В наследство от Цинь Лю Бану досталась жуткая разруха. Сыма Цянь писал: «Когда династия Хань пришла к власти, ей в наследство от династии Цинь досталось сплошное разрушение... Заниматься какой-либо деятельностью было чрезвычайно трудно. Богатства истощились. Даже для выезда Сына Неба нельзя было найти четвёрки лошадей одной масти. Военачальники и высокие сановники ездили в повозках, запряжённых быками. Простой народ не имел ничего». Другой автор уверял, что даже в столичном округе «люди поедали людей, больше половины населения вымерло». Китай утратил прежний свой авторитет в международной жизни восточно-азиатского региона.

Лю Бан не сомневался, что Китай оказался на грани катастрофы именно через легизм, который целиком себя дискредитировал. Поэтому он сразу же круто изменил государственный курс. Император вернул свободу тем, кто, спасаясь от голодной смерти, продал себя в рабство, амнистировал тех, кто уклонялся от уплаты непосильных государственных налогов и принудительных работ, в 20 раз уменьшил размер поземельного налога, раздав народу заповедные леса, парки и водохранилища циньского дома, хотя частную собственность на землю сохранил. Лю Бан отменил также кровавое циньское законодательство.

Тем не менее, не все свои обещания народу Лю Бан исполнил. Так, например, он сохранил частное рабовладение, позволив продавать, клеймить и даже убивать рабов. Также он вынужден был считаться с амбициями своих соратников по борьбе за императорскую власть – руководителей других повстанческих отрядов. Свыше 20 таких вождей получили титул «хоу» и наследственные владения (восемь из них занимали огромные территории), что, конечно же, представляло серьёзную опасность для центральной власти. Некоторые из новоявленных ванов – вчерашних крестьян, большей частью родственников Лю Бана, сразу же стали полными хозяевами на «своих» территориях. Они отливали свою монету, занялись добычей соли, нарушая императорскую монополию. Большинство из них император вскоре истребил, однако и тех, кто уцелел, хватало, чтобы сеять смуту в государстве.

Кроме того, носителям высших рангов знатности, которые участвовали в борьбе против династии Цинь, предоставлялось право взимания налогов с определённой территории, что было серьёзной уступкой со стороны центральной власти.

Умер Лю Бан на 20-м году своего правления. Те, кто властвовал после него, тщетно пытались усмирить ванов-сепаратистов. Когда правительство попыталось сделать это в очередной раз, в ответ (в 154 г. до н.э.) вспыхнул мятеж семи ванов, во главе с Лю Пи – племянником Лю Бана.

Сепаратистские тенденции местных правителей и ванов были окончательно пресечены лишь при императоре У-ди (140–87 гг. до н.э.).

В 127 г. до н.э. У-ди издал указ о разделе пожалованных территорий между всеми наследниками владельца и тем самым добился ослабления влияния сильных домов. Была восстановлена циньская система управления государством с сильной централизованной властью и огромным административным аппаратом. Страна была разделена на административные единицы, которыми управляли назначенные императором чиновники. Последним платили жалование, а продвижение по службе было основано не на знатности, а на образованности и на успешном прохождении череды экзаменов.

Вновь вводился институт цензоров, следивших за деятельностью местной администрации. Была возобновлена государственная монополия на добычу и производство железа, соли, отливку монет, введена монополия на вино, выгонявшееся, в основном, из гаоляна (разновидность сорго).

Активно функционировала возобновлённая циньская система купли-продажи рангов знатности и право откупа от повинностей.

В 119 г. до н.э. У-ди издал указ о конфискации у крупных землевладельцев сотен тысяч му (1 му = 0,06667 га) земли и десятков тысяч рабов.

В отличие от предыдущей династии, ханьские императоры подняли на щит патерналистскую идеологию конфуцианства, которая сплачивала народ вокруг императора и позволяла осуществлять такие масштабные проекты, как строительство Великой стены, призванной оградить империю от набегов кочевников-сюнну. Однако ханьское конфуцианство вобрало в себя немало легистских идей. Легизм проявлялся в нём периодическими чистками государственного аппарата, чётким ранжированием чиновников, декларированием принципа равенства возможностей в государстве, попытками унифицировать политическое мышление чиновников, цензорским надзором за ними, насаждением в их среде круговой поруки. От раннего конфуцианства ханьское конфуцианство унаследовало основные морально-этические принципы, прежде всего уважительное отношение к родителям и старшим. В империи Хань концепция «сыновьей почтительности» (ся) стала даже юридической категорией – доносы на родителей ханьское законодательство трактовало как уголовное преступление.

Реформа конфуцианства связана с именем Дун Чжун-шу (187–120 гг. до н.э.), которого называют «ханьским Конфуцием». Он многое заимствовал также из концепций даосов и моистов. Ханьские конфуцианцы уже не вели борьбы против законов. Многие из них стали утверждать, что хорошее правление возможно лишь там, где имеются законы.

Желая иметь штат чиновников – послушных исполнителей воли императора, У-ди создал школу, в которой обучались дети незнатных фамилий. По окончании они сдавали экзамены в присутствии государя. Этим было положено начало экзаменационной системе китайских империй. В окончательном варианте своего развития эта система включала экзамены трёх степеней:

- 1) в уездах – на получение 1-й учёной степени (сю-цай – букв. «совершенствующий способности», проводился 1 раз в 3 года);
- 2) в провинциальном городе – на получение 2-й учёной степени (дзюй-жэнь – букв. «представляемый»);
- 3) в присутствии императора – на получение 3-й степени (дзинь-ши – букв. «поступающий на службу»).

Те, кто получал 3-ю степень, почти автоматически получали высшие должности. 10 лучших были наиболее близки к императору.

Краеугольными камнями государства были провозглашены конфуцианская учёность и гражданская служба. Постепенно формировалось особое сословие учёных-интеллектуалов (шэньши – букв. «учёные мужи, носящие широкий пояс»; пояс – символ власти), занимавших в обществе господствующее положение. В традиционном Китае шэньши составляли образованную часть господствующего класса: они выступали хранителями конфуцианской идеологии и традиций, которые диктовали приверженность идеям государственности. Приверженность ритуалу (ли) у шэньши проявлялась весьма широко: от сокрытия недостатков, мотивируемого «нежеланием беспокоить» начальство, до жертвенного обличения пороков вплоть до императора.

Поскольку экзаменационная система открывала доступ в господствующую элиту каждому, кто был способен получать учёные степени (хватало на то таланта, трудолюбия, целеустремлённости), в Китае возник небывалый культ грамотности.

При У-ди продолжала активизироваться внешняя политика. Серьёзную опасность для Китая представлял племенной союз сюнну, созданный на севере, на рубеже 3–2 вв. до н.э. во главе с правителем (шаньюем) Модэ. В 129 г. до н.э. ханьские войска начали военные действия против сюнну и после длительных и кровопролитных войн оттеснили их с территории Ганьсу.

У-ди стремился установить контроль над китайским участком Великого Шёлкового пути. Этот путь начинался от границы империи г. Чанъань и шёл на северо-запад до Диньхуана, где расходился на две дороги, ведущие к Джунгарским воротам и в Кашгар. Из Кашгара торговые пути вели в Фергану и Бактрию, а оттуда в Парфию и Индию.

В 138 г. до н.э. У-ди отправил к племенам юечжей посольство в составе 100 лишним человек с целью договориться об общей борьбе против сюнну. Его возглавил дипломат Чжан Цянь. Сразу же после пересечения границы с владениями сюнну эти люди попали в плен к сюнну. Спустя 10 лет Чжан Цянь вместе с семьёй и челядью сумел бежать из плена и добраться до юечжей, которые, захватив Бактрию, жили там в благополучии и мире, забыв о войне с сюнну. Поэтому попытки Цяня заключить союз с юэчжами не имели успеха. Из выехавших когда-то с Цянем членов посольства вернулись только двое, включая самого Чжан Цяня (не считая новой его семьи). Посольство привезло в Китай сведения о том, что на западе есть множество стран, желающих торговать с Китаем. С этого времени первостепенное значение во внешней политике императорского двора стали придавать захвату торговых путей между империей и этими странами, установлению с ними регулярных связей. В целях осуществления этих планов было изменено направление походов на сюнну. Основным центром нападения на них стала Ганьсу, так как здесь пролегал Великий Шёлковый путь. В 121 г. до н.э. сюнну были вытеснены с пастбищных земель Ганьсу и отрезаны от союзных с ними цянов – племён Тибетского нагорья. Тем самым для Ханьской империи была открыта возможность экспансии в Восточный Туркестан.

На территории Ганьсу вплоть до Дуньхуана была построена мощная линия укреплений и основаны военные и гражданские поселения. Ганьсу стала плацдармом для дальнейшей борьбы за овладение Великим Шёлковым путём сразу же после закрепления позиций империи в Ганьсу. Чтобы обезопасить путь караванам, Ханьская империя использовала дипломатические и военные средства для распространения своего влияния на оазисные города-государства Восточного Туркестана, располагавшиеся вдоль Великого Шёлкового пути.

В 115 г. до н.э. к усуням было отправлено посольство во главе с Чжан Цянем. Оно сыграло большую роль в развитии торговых и дипломатических связей ханьского Китая с Центральной и Средней Азией. Во время своего пребывания у усуней Чжан Цянь отправил в Давань (Фергану), Канцзюй (Мавераннахр – междуречье Сырдарьи и Амударьи), Дася (Бактрию), Аньси (Парфию), Шэньду (Индию) и другие страны посланцев, которые явились первыми представителями

древнего Китая в этих странах. В течение 115–111 гг. до н.э. были установлены торговые связи между Ханьской империей и Бактрией.

Из Китая караваны везли железо, считавшееся римлянами, например, «лучшим в мире», никель, золото, серебро, лаковые изделия, зеркала и другие предметы ремесла, но, прежде всего, – шёлковые ткани и шёлк-сырец. В Китай доставляли редких зверей и птиц, растения, ценные сорта древесины, меха, лекарства, пряности, благовония и косметику, цветное стекло и ювелирные изделия, полудрагоценные и драгоценные камни и другие предметы роскоши, а также рабов (музыкантов, танцоров) и т. п. Особо следует отметить заимствованные в это время Китаем из Средней Азии виноград, фасоль, люцерну, шафран, некоторые бахчевые культуры, гранатовое и ореховое дерево.

При У-ди Ханьская империя установила связи со многими государствами на территории Индии, Ирана и расположенными далее на запад странами вплоть до Средиземноморья. Согласно сообщениям Сыма Цяня, в эти страны ежегодно отправлялось более десяти посольств, которые сопровождали большие торговые караваны; из близких стран послы возвращались через несколько лет, а из далёких – иногда через десять лет. Известно о прибытии к ханьскому двору посольств из ряда западных стран, в том числе дважды из Парфии. Одно из них поднесло китайскому двору яйца больших птиц (страусов) и искусных фокусников из Лисянь (Александрии в Египте).

Великий Шёлковый путь играл огромную роль в развитии дипломатических, экономических и культурных связей между Дальним Востоком и странами Среднего и Ближнего Востока, а также Средиземноморья. Однако всё, что доставлялось в Чаньань по Великому Шёлковому пути, ханьский император и его окружение рассматривали как дань «варваров», прибытие чужеземных посольств с обычными для той эпохи подношениями воспринимались не иначе, как выражение покорности империи Хань. У-ди был обуреваем глобальным замыслом «расширить пределы империи на десять тысяч ли и распространить свою власть (как Сына Неба) во всём мире.

Реформированное конфуцианство, признанное государственной религией, провозгласило доктрину абсолютного превосходства «Срединного государства» (т.е. империи Хань) – центра вселенной – над окружающим миром «внешних варваров», неподчинение которых Сыну Неба рассматривалось как преступление. Походы Сына Неба, как устроителя вселенной, объявлялись «карательными». К «поднесению дани» государства Западного Края (как называли Восточный Туркестан) принуждались подарками ханьского двора и военной силой ханьских гарнизонов, расквартированных в крепостях бассейна р. Тарим. Города Западного Края зачастую отказывались от «даров Сына Неба», трезво расценивая их как попытку грубого вмешательства в свои внутренние дела, скрытое намерение лишить их выгод от транзитной торговли, естественно сложившейся на трассе Великого Шёлкового пути. С особым рвением ханьские послы действовали в Фергане, державшей ключевые позиции на важном участке Шелкового пути и владевшей «небесными конями» – статными лошадьми западной породы, представлявшими исключительную важность для тяжеловооружённой конницы У-ди. Даваньцы упорно сопротивлялись домогательствам ханьского двора,

«прятали коней и отказывались отдавать их ханьским послам» (Сыма Цянь). В 104 г. до н.э. в далёкий «карательный поход» на г. Эрши (столица Ферганы) выступила огромная армия полководца Ли Гуанли, которому заранее был пожалован титул «Эршиского Победителя». Поход длился два года, но окончился полным провалом. В 102 г. У-ди предпринял новый грандиозный поход в Фергану. На сей раз ему удалось получить «небесных коней», но покорить Давань империи оказалось не под силу.

Походы в Фергану, стоившие империи крайнего напряжения, закончились, по оценке самого У-ди, полным провалом планов ханьской агрессии на Западе. Политическое доминирование ханьского Китая в Восточном Туркестане оказалось нестабильным, носило кратковременный и очень ограниченный характер.

Одновременно с активной внешней политикой на северо-западе У-ди предпринял широкую экспансию в южном и северо-восточном направлениях. Юэские государства в Южном Китае и Северном Вьетнаме издавна привлекали древнекитайских торговцев и ремесленников как рынки сбыта товаров и места добычи медных и оловянных руд, драгоценных металлов, жемчуга, приобретения экзотических животных и растений, а также рабов. Завоёванные при Цинь Шихуане юэские земли после падения династии Цинь отпали от империи, но торговые связи с ними сохранились. Во 2 в. до н.э. существовало три независимых юэских государства: Наньюэ (в бассейне среднего и нижнего течения р. Сицзян и Северном Вьетнаме), Дуньюэ (на территории провинции Чжэцзян) и Миньюэ (в провинции Фуцзянь). В самом крупном из них – Наньюэ (Намвьет) – захватил власть бывший циньский наместник Чжао То, который основал местную вьетскую династию Чиеу, провозгласив себя императором, равным китайским. В 196 г. до н.э. Лю Бан признавал Чжао То законным правителем Наньюэ. Но вскоре Чжао То в ответ на запрет императрицы Люйхоу вывозить в Наньюэ железо, скот и другие товары разорвал дипломатические отношения с империей. Обе страны оказались в состоянии войны, однако вести её у империи не было сил.

С первых же лет своего воцарения У-ди делал ставку на захват южных государств. В 138 г. до н.э., вмешавшись в междоусобную борьбу вьетских государств, Хань покорила Дуньюэ, после чего У-ди приступил к подготовке большой войны против Наньюэ. Активизации внешней политики У-ди на юго-западе способствовало и возвращение в 125 г. до н.э. Чжан Цяня из его поездки к юэчжи, во время которой он узнал о торговом пути на юго-западе Китая, по которому товары из Шу (Сычуань) доставлялись в Индию и Бактрию. Однако посланные в 122 г. до н.э. для отыскания этого пути ханьские экспедиции были задержаны племенами на юго-западе Китая. «Открыть» для империи путь в Индию, проходящий через Бирму, не удалось. Позже У-ди получил возможность установить связи с Индией по морю, но это произошло уже после захвата Наньюэ. После смерти Чжао То, воспользовавшись внутренней смутой, У-ди ввёл в Наньюэ крупные военные силы. Длившаяся с перерывами два года (112–111 гг. до н.э.) война с Наньюэ закончилась победой империи.

За этот срок Хань покорила и остальные юэские земли. Лишь Миньюэ продолжало сохранять независимость. По сведениям Бань Гу, после подчинения

Наньюэ Ханьская империя установила связи по морю (вероятно, через Малаккский пролив) с Индией и Шри-Ланкой. Поскольку древние китайцы в то время не были сильны в мореплавании, очевидно, что доставляли ханьских торговцев в Индию, на Ланку и в другие районы Южной Азии юэские суда (юэ были искусными мореходами). Разделив Наньюэ на области и уезды, завоеватели эксплуатировали местных жителей, заставляя их работать в рудниках, добывать золото и драгоценные камни, охотиться на слонов и носорогов. Из-за постоянных антиханьских восстаний У-ди был вынужден держать на юэских землях большие военные силы.

Завершив войны на юге, У-ди предпринял решительные действия против государства Чаосянь (Чосон) на территории Северной Кореи. Эта страна задолго до возникновения империи поддерживала связи с северо-восточными древнекитайскими царствами. После образования империи Хань при Лю Бане был заключён договор, устанавливающий границу между обоими государствами по р. Пхесу. Чаосяньские правители стремились проводить независимую политику и в противовес империи поддерживали связи с сюнну. Последнее обстоятельство, а также то, что Чаосянь препятствовала сношению империи с народами Южной Кореи, сделало Чаосянь очередным объектом ханьской агрессии (109 г. до н.э.). После длительной осады с суши и с моря столица Чаосяни Вангомсон пала. На территории Чаосяни были учреждены четыре административных округа, однако три из них пришлось упразднить в связи с не прекращавшейся борьбой древних корейцев за независимость.

Захватнические войны, которые много лет подряд непрерывно вёл У-ди, потребовали колоссальных расходов и неисчислимых человеческих жертв. К концу его правления они привели к резкому ухудшению положения основной массы трудового населения страны и взрыву народного недовольства, которое выразилось в открытых выступлениях в центральных областях империи. Одновременно поднялись антиханьские выступления племён на окраинах империи. «Страна устала от бесконечных войн, люди объаты печалью, запасы истощились» – так характеризует состояние империи в конце правления У-ди его современник Сыма Цянь. После смерти У-ди крупные завоевательные походы почти не предпринимались. Сторонники военных захватов не встречали более поддержки при ханьском дворе. Вплоть до конца 1 в. до н.э. – начала 1 в. н.э. внешняя политика Ханьской империи носила, в основном, пассивный характер. Ханьские войска лишь в 36 г. до н.э. предприняли дальний поход против активизировавшихся сюнну. Это на некоторое время укрепило власть Ханьской империи в Западном Крае, но уже в начале 1 в. н.э. сюнну удалось подчинить его своему влиянию.

С последней четверти 1 в. до н.э. по стране прокатилась волна восстаний рабов. На рубеже тысячелетий империя оказалась в состоянии глубокого внутреннего кризиса, причиной которого был рост крупного землевладения и рабовладения. В условиях массового разорения мелких и средних земельных собственников патронимический тип китайской общины способствовал развитию именно феодальных производственных отношений. Крупный землевладелец – глава патронимии – постепенно подчинял себе наиболее бедных сородичей.

Попавшие к нему в зависимость общинники переставали платить налоги государству, не отбывали воинской повинности. Он не был заинтересован в том, что его зависимые общинники значились в государственных подворных списках.

К этому времени произошли существенные изменения в статусе чиновничества – бюрократическая прослойка обрела значительную силу. Легистская система рекомендаций, а также система экзаменов позволяли чиновникам продвигать своих сыновей. Особенно благоприятные условия складывались в округах и уездах, где местная администрация обладала большой властью. Умелое использование администраторами экзаменационной системы и системы рекомендаций плюс установление родственных связей между отдельными семьями и патронимиями чиновников способствовали возникновению в эпоху Хань качественно нового социального слоя – бюрократии. Этот слой сыграл значительную роль в развитии китайского общества и государства. Он обладал не только прочными экономическими позициями (как правило, многие чиновники являлись крупными земельными собственниками, торговцами и ростовщиками), но и значительным политическим весом.

Все эти социальные изменения привели к обострению противоречий в ханьском обществе. Через всю внутреннюю историю империи Ранней Хань красной нитью проходит борьба против концентрации частной земельной собственности, но к концу 1 в. до н.э. она приобретает исключительную остроту. То и дело вспыхивали восстания рабов, в которых активное участие принимали также и простые общинники, что придавало восстаниям значительный размах.

Наиболее дальновидные представители правящего класса сознавали необходимость проведения реформ с целью ослабления напряжения в обществе. Попытка проведения подобных мероприятий была предпринята при императоре Ай-ди (6–1 гг. до н.э.): проект указа устанавливал максимальный размер частных земельных владений в 30 цингов (ок. 138 га), а количество рабов у собственников, в зависимости от их общественного положения, ограничивал нормой в 200 рабов у сановной и родовитой знати и 30 рабов у простолюдинов и мелких чиновников (без учёта рабов старше 60 и моложе 10 лет). Государственных рабов старше 50 лет предлагалось отпустить на волю. Однако этот проект вызвал такой протест рабовладельцев, что не могло быть и речи о его проведении в жизнь, также как и других проектов подобного рода, хотя они касались ограничения рабовладения и землевладения только у простолюдинов и мелких служащих.

После провала политики реформ в стране вспыхнули восстания. Такова была обстановка, при которой выдвинулся Ван Ман – регент при малолетнем наследнике престола Жуцзы Ине (родился в 5 г., формально не был коронован), тесть предшествовавшего ему (тоже малолетнего) императора Пин-ди (1–6 гг. н.э.).

3 Правление Ван Мана и его реформы

Ван Ман был человеком исключительного честолюбия и ловким демагогом. Он сумел в короткий срок приобрести популярность в народе и поддержку придворных кругов. Воспользовавшись благоприятным моментом, он совершил дворцовый переворот и в 9 г. н.э. провозгласил себя императором, основав династию Синь (9–23 гг.). Он сразу же объявил о своём намерении самым

решительным образом проводить реформы. В расчёте на поддержку широких масс населения Ван Ман объявил о восстановлении счастливых порядков древности и возрождении чжоуской «колодезной» системы восьмидворок, обрабатывающих девятый участок в пользу правителя. Он обещал восстановить равновеликие наделы, за счёт чего выделить землю всем безземельным и малоземельным общинникам. Это обещание, естественно, выполнено быть не могло. Ван Ман запретил куплю-продажу земли и рабов и провозгласил все частновладельческие земли государственными, а частных рабов – «частнозависимыми», т.е., вероятно, тоже подведомственными государству, но остающимися в распоряжении своих хозяев. При этом государственное рабство ограничениям не подвергалось, наоборот, все виновные в нарушении законов Ван Мана обращались в государственных рабов. Ссылаясь на древние конфуцианские трактаты, Ван Ман даже пытался обосновать исключительное право государства на владение рабами. При нём число государственных рабов снова очень возросло за счёт порабощения за преступления. Законы Ван Мана обращали в рабство преступника вместе с его семьёй и четырьмя соседними семьями, связанными круговой порукой. Причём у всех этих семей, которые порабощались государством, конфисковалось имущество, в том числе и их частные рабы, переходившие в казну. Такие рабы огромными партиями переправлялись на далёкие расстояния для работы в государственных рудниках и мастерских.

Так, в 21 г. н.э. «нарушители запрета на отливку монеты в числе пятерок семей, [обязанных круговой порукой], подверглись [аресту], конфискации имущества и были обращены в государственных рабов. Мужчины на телегах, в клетках для преступников, женщины и дети пешком с бряцавшими на шее железными цепями сотнями тысяч переправлялись [в Чанъань], передавались чиновникам, ведавшим отливкой монеты. Пока их [туда] доставляли... погибали шесть-семь из десяти» («История Старшей династии Хань»). Все эти данные говорят о том, что реформы Ван Мана были направлены против роста частного рабовладения, но не рабства, как такового. Имея целью сосредоточить в руках государства все источники доходов и создать сильную бюрократическую империю, Ван Ман чрезвычайно усилил фискальные и полицейские функции государства и увеличил административный аппарат. Чиновники и откупщики были заинтересованы в осуществлении экономических мероприятий Ван Мана, которые давали им возможность наживаться на спекуляции товарами при регулировании рыночных цен и на других злоупотреблениях. Ван Ман стремился подчинить казне все ссудные операции, издавал указы, касающиеся отливки монеты и нормирования цен на рынках, пытаясь добиться активного вмешательства государства в экономическую жизнь страны.

Реформы Ван Мана привели к крайнему усилению деспотического гнёта государства, они не только не смогли смягчить социальные противоречия, но вызвали ещё большее их обострение. Ван Ман пытался спасти положение, объявив об отмене всех своих законов о земле и рабах, однако всё было тщетно. По всей стране стали вспыхивать стихийные волнения и голодные бунты. Отряды разорившихся общинников, рабов, батраков действовали по всей стране, принимая разные названия – «Зеленого леса», «Медных коней», «Больших пик»,

«Железных голеней», «Черных телят» и др. Как правило, они были разрозненны, хотя зачастую действовали бок о бок.

Особенный размах имело движение «Красных бровей», развернувшееся в 18 г. н.э. в Шаньдуне, где бедствия населения были умножены катастрофическим разливом Хуанхэ, которая резко изменила своё русло (приняв то направление, которое она имеет сейчас). Движение «Красных бровей» потрясло страну почти десять лет подряд. Оно было несравненно более широким по масштабу, чем антициньское восстание Чэнь Шэна, и более однородным по составу, чем восстание Лю Бана. Вспыхнуло оно столь же стихийно, как и эти предшествовавшие ему мощные движения. Никаких загодя планируемых и далеко идущих идейных целей повстанцы перед собой не ставили, кроме единственной – свержения «узурпатора» Ван Мана. В движении принимали самое активное участие массы обездоленного и эксплуатируемого люда. О том, что движение не носило узкокрестьянского характера, косвенно может свидетельствовать то обстоятельство, что, хотя в числе мероприятий Ван Мана была широковещательная программа восстановления древней системы цзинтянь – уравнительного общинного землепользования, – никакого положительного отклика на неё со стороны тех слоёв населения, которые участвовали в восстании, мы не видим. Повстанцы убивали чиновников, отменяли налоги, захватывали имущество богачей, но ни на какой территории не закреплялись, а со всех сторон двигались в одном направлении – к столице империи Чанъани, и еще точнее – к императорскому дворцу Ван Мана. Первым в 23 г. удалось занять столицу отрядам «Зеленого леса». Ван Ман был обезглавлен, тело его разорвано на части.

В 25 г. Чанъань захватили «Красные брови». Каждый повстанческий отряд объявлял своего ставленника императором. Одновременно в г. Лоян отрядами представителей правящего класса был провозглашён императором отпрыск ханьского дома Лю Сю, известный в истории под храмовым именем Гуан У-ди (25–57 гг.). При несогласованности действий, отсутствии военного и политического опыта у вождей повстанцев, как правило, выходцев из низов, всё движение на последнем этапе окончательно пошло на поводу у определённых слоёв знати, заинтересованных в свержении Ван Мана силами повстанцев, а затем в восстановлении династии Хань и подавлении повстанческого движения. И действительно, Гуан У-ди начал своё правление «карательным походом» против «Красных бровей», которых к 29 г. ему удалось разбить, а затем подавил и все остальные народные движения.

С императора Гуан У-ди начинается период «реставрированной» Ханьской династии, называемой Младшей или Поздней; новой столицей империи стал г. Лоян. Мощнейшее в истории Китая восстание «Краснобровых», явившееся выражением острейшей классовой борьбы, привело к некоторому облегчению положения трудового населения и освобождению массы людей от рабской зависимости, что нашло отражение в указах Гуан У-ди.

4 Вторая Ханьская империя и её падение

Реставрация Ханьской империи сопровождалась значительными изменениями в её социальном и политическом строе. После провала реформ и подавления народного движения силами крупнейших землевладельцев стало

очевидным, что в обществе появились новые реальные силы, с которыми правящие круги империи должны были считаться. Размах восстаний 17–25 гг. показал необходимость, с одной стороны, уступок угнетённым массам, а с другой – сплочения всех слоёв господствующего класса, передавших функцию подавления низов государству и тем самым санкционировавших реставрацию империи. Если при Ай-ди и Ван Мане любые попытки государства ограничить частное рабство и вторгнуться в права землевладельцев встречали отчаянное сопротивление, то теперь, после того как правительство Гуан У-ди жесточайшим образом расправилось с повстанцами, частные собственники уже не протестовали против таких законов Гуан У-ди, как сохранение свободы тем рабам, которые фактически вернули её себе во время восстаний, как освобождение продавшихся в рабство из-за голода и насильственно порабощённых в этот период. Если эти указы не всегда и не в полной мере могли быть проведены в жизнь, то реально были освобождены все государственные рабы, порабощённые за нарушение законов Ван Мана, а также некоторые категории частных рабов. Указом 35 г. запрещалось клеймить частных рабов, ограничивалось право хозяина на убийство своих рабов, был отменён закон о позорной казни рабов на базарной площади. Предусматривались правительственные меры по защите некоторых элементарных прав рабов. В указе провозглашалось даже (официально – впервые), что раб по своей природе тоже человек. Законы Гуан У-ди, ограничивавшие самоуправство господ, воспринимались ими как неизбежные меры, необходимые для предотвращения острых классовых конфликтов. Вместе с тем изданный правительством Гуан У-ди в 30–31 гг. «Закон о продаже людей» вводил ограничения, упорядочивавшие работорговлю и практику продажи в рабство свободных, чем способствовал нормализации рабовладельческих отношений. По всей вероятности, Гуан У-ди опирался на мелкие и средние хозяйства; крупные землевладельцы – так называемые «сильные дома» – этих его мероприятий, очевидно, не поддержали. В 52 г. они подняли мятеж, который Гуан У-ди подавил с присущей ему беспощадностью. Правительство Гуан У-ди предпринимало решительные меры по ремонту разрушенных плотин на Хуанхэ, эта область Великой Китайской равнины теперь стала непосредственно примыкающей к столичной (в связи с переносом столицы империи в Лоян), на её благоустройство Гуан У-ди обращал особое внимание.

Было упорядочено денежное обращение. Облегчено податное бремя. Поощрялись земледелие и шелководство. Бедноте были выделены на льготных условиях государственные поля, в том числе земли опальных «сильных домов». В этот период стал изменяться характер землевладельческих хозяйств, в первую очередь самых крупных. Видимо, в то время многие хозяйства использовали в производстве так называемых гостей (кэ) – производителей, не имевших своей земли, а возделывавших землю, взятую у богатых. Именно ко времени Гуан У-ди относится первое упоминание о большом количестве «гостей» – кэ или бинькэ – у земельных собственников. Так, за участие в мятежах «сильных домов» было казнено несколько тысяч лично-зависимых от них бинькэ.

Рабы применялись больше в специфических видах производства (на плантациях камфорных и лаковых деревьев, в скотоводстве, на рыбных и соляных

промыслах). В земледелии, если не считать ирригационных работ, рабский труд становится менее значимым. Жалобы на непроизводительность рабского труда впервые появились ещё в 1 в. до н.э. (в правительственной дискуссии «О соли и железе» 81 г. до н.э. и докладе сановника Гуан Юя 44 г. до н.э.). Это было связано, в частности, с усовершенствованием навыков труда и хозяйственных методов – показателем подъёма производительных сил не менее важным, чем технические достижения. Развивается новый тип полеводства, требовавший тщательного ухода буквально за каждым растением в поле. В сложных хозяйствах крупнейших собственников земли получает применение труд фактически зависимых (но лично ещё свободных) земледельцев. Исследователи отмечают двойственность их положения: с одной стороны, они сохраняли право приобретать землю, но с другой – не могли самовольно покинуть арендуемый ими участок господской земли. Процесс концентрации земли принял огромные, немыслимые до того масштабы. «Сильные дома», никак не связанные с чиновной знатью, обладали именьями, простиравшимися «от области до области». Их влияние распространялось на всю округу, включая и мелкие города. В их распоряжении были тысячи рабов, табуны коней, стада крупного и мелкого скота. Они владели крупными мастерскими, значительную часть рабочего персонала которых составляли закованные рабы, наживались на торговле и ростовщичестве. На полях этих огромных имений было практически невозможно организовать необходимый надзор за работниками. Здесь всё шире использовался труд буцной (посаженная на землю личная стража) и всякого рода кэ, известных под названиями «гостевых полевых работников» (дянькэ), «гостей-приживальщиков» (бинькэ), «нахлебников» (ишикэ: букв, «кэ за еду и одежду») – нечто вроде клиентов или колонов; многие из них постепенно превращались в лично-зависимых работников, среди них были и тунли – «отроки-рабы». Часто задолжавшую бедноту нужда заставляла обрабатывать землю «сильных домов» на тяжёлых условиях издольщины.

В огромных поместьях, имевших по несколько тысяч «гостевых дворов», наметился переход к новому типу эксплуатации непосредственного производителя, оставлявшей ему некоторую возможность самостоятельного хозяйствования. Экономически эти работники не были собственностью магната и, как таковые, не могли быть лишь объектом права. Однако, оставаясь формально лично-свободными, в административном плане они выпадали из состава собственно гражданского населения, не учитывались переписью населения, и государство скорее уж могло обложить налогом рабов (как чью-то собственность), чем эту категорию тружеников, фактически не входившую в число налогоплательщиков государства.

В государственном секторе получили известное распространение так называемые поля военных поселений (туньянь). Впервые эта форма государственного полеводческого хозяйства возникла на северо-западных границах империи на рубеже 2–1 вв. до н.э., но затем нашла применение во внутренних её областях, что, возможно, свидетельствует об усилении значения государственной собственности на землю. Сельскохозяйственные работы в этих поселениях выполняли поселенцы и их семьи, которым начальники раздавали

посевной материал, сельскохозяйственные орудия и скот; урожай (целиком или в размере 60%) сдавался в казённые амбары, откуда потом земледельцы получали натуральные выдачи и одежду. Выдачи и выполненные работы строго учитывались. Несмотря на тяжёлые условия эксплуатации, эти «военные поселенцы» всё же не были рабами в юридическом смысле, ибо известны случаи их последующего порабощения властями. Видимо, они находились на положении государственно-зависимых людей, прикрепленных к земле землепользователей. Это аграрное устройство, возможно связанное и с воссозданием общин, стало в известной мере прообразом государственной надельной системы (цзюньтянь), нашедшей широкое применение со 2-й четверти 3 в. – уже после падения Ханьской династии – в государствах периода Саньго (Троецарствия) и в раннесредневековой империи Цзинь.

Постепенно Ханьская империя восстановила военную мощь и вернула себе положение «мировой державы». Были замирены пограничные племена, участвовавшие в повстанческом движении. В Южном Китае ханьские императоры проводили жёсткую политику насильственной ассимиляции местного населения, имперские чиновники жестоко притесняли аборигенов, искореняли местные культы и обычаи.

В 40 г. вспыхнуло народное восстание против ханьских властей в Северном Вьетнаме под руководством сестёр Чынг, которое Гуан У-ди удалось с огромным трудом подавить только к 44 г. Во 2-й половине 1 в., умело использовав (а в известной мере и спровоцировав) раскол сюнну на «северных» и «южных» и разрешив подчинившимся южным сюнну поселиться в своих пределах, империя активно приступила к восстановлению своего владычества в Западном Крае, который к концу правления Старшей Хань отпал от Китая и подпал под власть сюнну. Младшей империи Хань удалось к концу 1 в. на короткое время восстановить своё влияние в Западном Крае и утвердить гегемонию на Великом Шёлковом пути. Действовавший в Западном Крае полководец Бань Чао развернул в это время активную дипломатическую деятельность, ставя задачей добиться прямых контактов с Дацинь («Великой страной Цинь», как ханьцы называли Римскую империю). Но отправленное им посольство дошло лишь до римской Сирии, будучи умышленно задержано парфянскими купцами. Однако ханьско-римская торговля через посредников со 2-й пол. 1 в. приобрела достаточно регулярный характер. Древние китайцы впервые воочию увидели римлян в 120 г., когда в Лоян прибыла и выступила при дворе Сына Неба труппа бродячих фокусников из Рима. Одновременно Ханьская империя установила связи с Индостаном через Верхнюю Бирму и Ассам и наладила морское сообщение из порта Бакбо в Северном Вьетнаме (известного римлянам под названием Каттигара) до восточного побережья Индии, а через Корею – в Японию. По южному морскому пути в 166 г. в Лоян прибыло первое «посольство» из Рима – как именовала себя частная римская торговая фирма. Со 2-й половины 2 в., с утратой гегемонии империи Хань на Шёлковом пути, получает развитие внешнеторговая ханьская экспансия в страны Южных морей, на Ланку и в Канчипуру (Канчипурам в Южной Индии). Эти связи в дальнейшем сохраняют своё

значение. В страны Южных морей организовываются экспедиции с целью захвата рабов.

Младшая империя Хань по всё новым направлениям рвалась к внешним рынкам, где главными международными товарами были предметы роскоши. Расширению международных связей сопутствует расцвет науки, литературы, философии, искусства. По отзывам современников, столица империи г. Лоян поражал своим величием. Роскошь императорского дворца и пышность дворцов знати не знали предела. Придворные поэты и известные философы воспевали величие и незыблемость правящей династии, прославляя империю как предел совершенства, наступление «золотого века» на земле. Бурный взлёт товарно-денежных отношений шёл, в основном, за счёт огромного расширения ханьской внешней торговли.

Конец 1 в. отмечен подъёмом экономики и торговли, успехами в ремесле и земледелии. Появляются водяные мельницы, водоподъёмные сооружения, совершенствуются кузнечные мехи. Осваиваются грядковая культура и система переменных полей. Однако сколько-нибудь значительного применения эти усовершенствования не находят, как не получает распространения безотвальный тяжёлый плуг, рассчитанный на упряжку из двух волов. На практике в него впрягали рабов, и должного эффекта не получалось. Железные сельскохозяйственные орудия, изготовленные государственными рабами, земледельцы отказывались приобретать, так как находили их «непригодными для работы».

Хотя закон ограничивал произвол господина, там, где рабов использовали в массовом количестве, их содержали в оковах. Процветание империи Младшей Хань было непрочным и таило в себе глубокие противоречия. В момент наибольших военно-дипломатических успехов Бань Чао в Западном Крае при дворе побеждают сторонники пассивного внешнеполитического курса. Они выражали интересы тех слоёв господствующего класса, которые не были заинтересованы в разворачивании внешней торговли и дальнейшем углублении товарно-денежных отношений, поскольку их огромные поместья всё более становились самодовлеющим хозяйственным организмом, способным ограничиться своими внутренними рынками. Об этих людях говорили: «Так богат, что может, закрыв ворота, открыть свой рынок».

В феноменальном росте фамильных состояний и безудержном мотовстве богатейших домов современники усматривали чуть ли не первопричину оскудения государственной казны и массового разорения земледельцев. Два полюса социальной действительности: скопление несметных сокровищ в руках немногих крупнейших землевладельцев и обнищание массы мелких и средних собственников – обозначились к началу 2 в. с предельной остротой. Создавшееся положение многие политические деятели рассматривали как катастрофу для государства и прямым образом связывали её с распространением товарно-денежных отношений. Борьба двух экономических тенденций – частного землевладения и зарождающихся новых форм землепользования – косвенно проявилась в придворных дискуссиях 2 в., развернувшихся вокруг проблемы денег. В докладах на высочайшее имя появляются советы запретить деньги и

изъять металлическую монету из обращения. Глубинная причина кризиса экономики заключалась в том, что достигнутый уровень товарно-денежных отношений был чрезмерно высок для существовавшей в обществе производительности труда. Поскольку в древности производство в целом носило натуральный характер и не увеличение производства, а самовоспроизводство было целью древнего общества, товарно-денежное обращение затрагивало лишь относительно небольшую часть производимого продукта; «капитал» в древнем мире оказывался торгово-ростовщическим, т.е. не имел прямого отношения к производству. Таким образом, рост денежных накоплений развития производства, как правило, не стимулировал.

Во 2 г. н.э. впервые в Китае была произведена перепись населения по числу хозяйств и душ, давшая соответственно цифры: 12 233 612 дворов и 59 594 978 человек. В начале правления Младшей Хань перепись зарегистрировала в империи всего 21 млн. человек. Однако к концу 1 в. эта цифра возросла до 53 млн., что говорит о восстановлении государственной машины и росте числа граждан-налогоплательщиков империи, а следовательно, соответствующем увеличении доходов казны. Но уже через полтора десятка лет перепись показала убыль подданных империи почти на 10% – и это в условиях отсутствия внутренних «смут» и внешних кровопролитных войн. Очевидно, часть податного населения (а только их и фиксирует официальный учёт населения Ханьской империи) отдала себя под покровительство крупных земельных собственников. Сокращение количества налогоплательщиков не означало их физической гибели, но знаменовало их «гибель» гражданскую в связи с отдачей себя под покровительство частных лиц. Это положение принципиально отличалось от того, которое вызвало тревогу ханьских политических деятелей примерно за полтора-два столетия до этого. Тогда донесения властей сообщали, что, несмотря на сокращение поземельного налога, бедняки в действительности лишаются половины урожая в пользу богачей – обычно своих кредиторов, что вынуждает бедный люд закладывать поля и отдавать членов своих семей в рабство. Речь шла об общинниках, попавших в долговую кабалу, но остававшихся в числе граждан – налогоплательщиков империи. Ни о какой личной зависимости бедствующего люда от частных лиц тогда не было речи, во всяком случае, как о массовом явлении. И тогда и сейчас государство пеклось о своих доходах, о количестве податного населения империи и болезненно реагировало на его сокращение, но за внешним сходством явлений скрывалось их принципиальное различие. Многие должники и в этот период продавали членов своей семьи и себя в рабство, но общая тенденция развития становилась иной. Заметно возрастало число маломощных семей, которые добровольно передавали себя «в гости», многие за долги отдавали землю «сильным домам» с условием пользования ею на правах лиц, лично-зависимых от земельных магнатов. К концу 2 в. под покровительством отдельных крупнейших представителей «сильных домов» находилось по несколько тысяч таких семей, среди них кэ, бинькэ, буцзой, дянькэ и др. Состав работников такого имения оказывался очень разнородным: рабы, полурабы, зависимые земледельцы разных типов, кабальные арендаторы, наёмные работники. Но наёмный труд использовался в частных крупных

землевладельческих хозяйствах (в силу специфики полеводства, нуждающегося в страдную пору в дополнительных рабочих руках) всегда, и находились наёмные работники обычно в таком же положении, что и основные производители материальных благ в данном обществе. Однако практика отдачи под покровительство формально не носила характера торговой сделки, не скреплялась актом купли-продажи земли и не означала порабощения должника, фиксируя «крепость» – отношения сугубо личностные, патронажные, но фактически они приводили к отчуждению земли должников в пользу займодавца или другого «покровителя» обедневшего общинника и, в конечном счёте, к потере последним какой-то доли своей гражданской свободы (которая из-за связанных с ней налогов и служб становилась для него в это время бременем), причём патронаж привязывал отдавшегося под покровительство к земле, что, очевидно, было в интересах обеих сторон. Отдаваясь под покровительство «сильных домов» и попадая в зависимость от них, земледельцы тем самым сохраняли известные «права» на свои участки. В то же время покровительство патронов, видимо, избавляло их от государственных налогов и повинностей.

Из подданных государства, его свободных граждан, попавшие в долговую кабалу превращались в людей лично- и поземельно-зависимых, выпавших из фиска. Для правительства этот процесс означал потерю доходов, для земельных магнатов – их приобретение, причём явно в ущерб государству. Очевидно, к концу описываемого периода «гостевые дворы» получают какой-то официальный статус и начинают учитываться властями на предмет налогообложения, но не как самостоятельные хозяйства, а как податные единицы, приписанные к «сильным домам». Создалась своеобразная ситуация: общинники – основное податное население империи – могли распоряжаться своей землёй, продавать её на определённых условиях другим физическим или юридическим лицам, в частности «сильным домам», которые, в свою очередь, также имели право распоряжаться своими поместьями, расширяя их до любых мыслимых пределов; государство же, чьими подданными они являлись, не имело реальной возможности помешать этому. Обе категории обладали всеми правами частной собственности на землю – владения, пользования и распоряжения ею, причём вполне независимо от государства. Таким образом, ни лично императору, ни ханьскому государству не принадлежала в это время собственность на землю всей территории империи, на которую распространялся их публично-правовой суверенитет.

С течением времени главы «сильных домов», обзаведшиеся своими вооружёнными силами и собственным аппаратом управления, частично присваивали себе публично-правовые функции и почти «естественно» оказывались судебной властью для своих «зависимых», как бы становясь между ними и государством. В хозяйствах «сильных домов», по мере их укрупнения, возникали в зачаточном виде те формы отношений власти и собственности, которые делали земельных магнатов в собственных глазах принципиально неотличимыми от правителя, а их поместья – неотличимыми от государства.

Постепенное соединение в одном лице публично-правовых функций суверена и частноправовых функций собственника, которые в древнем обществе не совпадали, свидетельствовало о возникновении в недрах поздних ханьской

империи отдельных элементов раннефеодальных отношений. Но процесс этот едва только начинался. Политическим деятелям империи казалось, что можно сдержать концентрацию земли у «сильных домов» и задержать процесс обезземеливания общинников, прижимая торговцев и искусственно сокращая приток в страну богатств, чрезмерно разжигающих страсть к наживе.

Это было осознанным основанием для изменения внешнеполитического курса империи. Стремление к личному обогащению противопоставлялось государственным интересам страны. Но действительная причина коренилась в изменении характера хозяйства «сильных домов». Новые формы зависимости и земельных отношений становились доминирующими в поместьях земельных магнатов, свидетельствуя о снижении товарности частных хозяйств, дальнейшей натурализации производства, изменении способов взимания прибавочного продукта. Сокращение числа налогоплательщиков естественно привело усилению гнёта налогов и повинностей для оставшейся массы гражданского населения империи. Регистрируемая государством площадь пахотных земель всё более сокращалась, число податного населения катастрофически падало (от 49,5 млн. человек в середине 2 в. до 7,5 млн. в середине 3 в.), целые общины, видимо, превращались в «держателей» земли у «сильных домов», поскольку за недоимки каждой семьи перед властями отвечала вся община в целом. Цены на продукты непомерно поднялись. Начинался стремительный упадок товарно-денежных отношений. Поместья «сильных домов» всё в большей мере становились экономически замкнутыми, самообеспечивающимися хозяйствами. Крестьянство – ещё свободное – не имело средств для участия в товарообороте. Городская жизнь замирала. Если на рубеже старой и новой эр в империи насчитывалось 37 844 города, то в середине 2 в. – всего 17 303. Если в начале правления династии самоуправляющиеся города составляли характерную черту имперского строя и именно их поддержка принесла на первых порах успех Лю Бану в его борьбе за власть, то теперь источники о них не упоминают.

Чиновники предлагали исчислять все сборы в тканях, и, наконец, в 204 г. был издан указ о замене всех денежных платежей натурой. В начале 20-х годов 3 в. в царстве Вэй (возникшем на развалинах Ханьской империи в бассейне Хуанхэ) монета была отменена и введены в оборот шёлк и зерно.

Из-за дезорганизации центрального аппарата прекращаются регулярный ремонт плотин и уход за ирригационными сооружениями. Хуанхэ, давно уже превратившаяся в надземную реку, выходит из берегов, её разливы несут неисчислимы бедствия сотням тысяч семей. Бюрократический аппарат империи, разъедаемый коррупцией и выросший до колоссальных размеров, превратился в самодовлеющую силу, поглощающую основной прибавочный продукт. Малолетние императоры оказывались пешками в руках придворных группировок «евнухов» и «учёных».

«Учёные» с позиций так называемых чистых суждений разоблачали злоупотребления «грязных» стяжателей в центральной администрации. Политическая борьба между «евнухами», связанными с «сильными домами», и «учёными», выражавшими интересы профессиональной бюрократии, выливалась в ожесточённые распри, доходившие до кровопролития. Попытки

государственного переворота в 166 и 169 гг., имевшие целью смену и оздоровление управленческого аппарата, провалились. Расправа «евнухов» была беспощадной. «Учёных» казнили, пытали, ссылали, тысячу «чистых» бросили в тюрьму. Их книги публично сжигались на кострах. «Сильные дома» на местах контролировали каналы рекомендации чиновников, домогались в своих поместьях политической самостоятельности и формального признания личной зависимости земледельцев. Усиление влияния в общественно-политической жизни «сильных домов» с середины 2 в. знаменовало собой дезинтеграцию имперской бюрократической системы и окончательный упадок императорской власти.

В обстановке затяжного политического и глубокого социально-экономического кризиса в стране разразилось самое мощное в истории древнего Китая широкое общественное движение, известное под названием восстания «Жёлтых повязок».

Движение «Жёлтых повязок» подготавливалось планомерно в течение десяти лет религиозной сектой про-даосского толка Тайпиндао («Путь Великого благоденствия»). Вероучение под таким названием, имеющее сотериологическую (сотериология – богословское учение о спасении человека) направленность, было создано харизматическим главой этой секты и руководителем восстания, магом и врачом Чжан Цзюэ, назвавшим себя Учителем высшей добродетели. В своих проповедях Чжан Цзюэ точно называл день (он падал на 4 апреля 184 г.), когда на земле наступит эра Великого благоденствия. В этот день, как предрекал он, «Синее Небо (т.е. династия Хань) погибнет и воцарится Жёлтое Небо (т.е. царство справедливости)». Жёлтым Небом Чжан Цзюэ именовал и самого себя, выступая в роли мессии – спасителя человечества от зла порочного мира Синего Неба. Жёлтые повязки носили на голове все адепты секты. Проповедники Чжан Цзюэ действовали по всей территории Империи, призывая к всеобщему восстанию. В восьми самых многонаселённых провинциях (где было сосредоточено $\frac{3}{4}$ населения страны) руководителями секты было создано 36 религиозных центров. Чжан Цзюэ обещал своим адептам покровительство Жёлтого Неба, спасение и долголетие. Проповедь-воззвание Чжан Цзюэ, обращённая ко всем, без различия пола, возраста, звания и чина, и обещавшая людям избавление от страданий и счастье на земле в самом ближайшем будущем, привлекала к нему толпы угнетённого люда. Члены секты проходили под руководством проповедников Чжан Цзюэ военную подготовку, её отряды насчитывали 360 000 бойцов. Движение приобрело массовый характер уже на этой стадии деятельности секты и потому не могло остаться тайным, а возможно, этого и не предусматривал её устав. Задолго до начала вооружённого выступления отрядов Чжан Цзюэ императору докладывали о том, что «вся империя приняла веру Чжан Цзюэ»; однако власти боялись арестовать Чжан Цзюэ, хотя и знали о его деятельности, опасаясь, видимо, массовых выступлений. По некоторым данным, чуть ли не две трети населения оказалось под влиянием учения секты.

Несомненны эсхатологические настроения сектантов, верящих в своё предназначение свыше вершить великую карательную миссию во имя Благого

Дао (Шэньдао). Насколько это движение было подготовленным и организованным, можно судить потому, что Чжан Цзюэ удалось в поразительно короткий срок изменить день восстания, когда внезапно выяснилось, что предатель выдал властям план его действий. Через десять дней после приказа Чжан Цзюэ о немедленном выступлении пламя восстания «Жёлтых повязок» полыхало по всей стране (началось в год Цзяцзы (184 г.) – первый год нового 60-летнего цикла). Повстанцы громили и сжигали правительственные учреждения, уничтожали представителей власти на местах, как носителей вселенского зла. В короткий срок оно охватило значительную часть империи.

Достоверных данных об этом восстании сохранилось очень немного, да и те намеренно искажают события. Трудно сказать, насколько крестьянство было движущей силой этого восстания, потому что ни о каких действиях и требованиях повстанцев, которые можно было бы связать с чаяниями крестьян, источники не сообщают. Идея уравнительного наделения землей появляется в учениях даосских сект не ранее 4 в. Но несомненно, что движение «Жёлтых повязок», выступавшее под религиозной оболочкой учения Тайпиндао, было первым в истории Китая массовым народным движением, имеющим свою идеологию. И, как таковое, оно явилось прообразом будущих крестьянских восстаний в средневековом Китае.

Отдельные очаги восстания подавлялись правительственными войсками. Чжан Цзюэ и его братья погибли в бою.

Главным итогом восстания было окончание периода придворных интриг на закате Поздней Хань и начало открытой борьбы между активными силами в Поднебесной. Это привело династию Хань к крушению и распаду в результате борьбы «сильных домов». Оставшиеся после 184 г. отряды «Жёлтых повязок» объединились с отрядами «Чёрных гор» и продолжали борьбу. Крестьянская война длилась 20 лет – до 204 г. Всего в восстании участвовали около 2 млн. человек. Оно было окончательно подавлено лишь к 204 г. правительственными войсками под руководством полководцев Синего Неба. Подавившие восстание ханьские полководцы, такие как Дун Чжо и Цао Цао, отказались распускать свои отряды и вступили друг с другом в затяжную и кровопролитную борьбу за гегемонию в Поднебесной. В стране наступило безвластие.

Конец империи Хань примерно соответствует времени правления 13-го и последнего императора династии Младшая Хань Сяосянь-ди (короткое имя – Сянь-ди, личное имя – Лю Се, время царствования – 189–220 гг.). В это время император утратил всякую власть и был фактически заложником различных чиновников и генералов, а потом у Цао Цао (полководец, автор сочинений по военному делу и поэт, главный министр империи Хань, фактический её правитель в начале 3 в., основатель царства Вэй, существовавшего в 220–266 гг.).

В борьбе с противниками, к 200 г. Цао Цао смог прибрать к рукам север страны. На юге Китая к 208 г. силу приобрели Лю Бэй и Сунь Цюань, которые заключили союз против Цао Цао.

Так, после сложной многосторонней борьбы наметилось деление страны на три части (царства или мини-империи). Их правителями стали Цао Цао (царство Вэй), Лю Бэй (царство Шу) и Сунь Цюань (царство У).

В 220 г. ханьский император формально отрёкся от трона. С падением Младшей Хань закончился последний период древней истории Китая и начался период Саньго (Троецарствия), открывающий средневековый этап истории Китая.